

был уволен с поста директора. Некоторое время он оставался в столице, переписываясь с сановниками и предлагая различные варианты торговых морских экспедиций. Затем следы его теряются, он появляется в 1720 г. в Стокгольме, где принимает активное участие в попытках Швеции привести объединенный англо-шведский флот в Ревель, чтобы оказать давление на Россию и заключить мир на более выгодных условиях. Вначале его план понравился адмиралу Норрису, но люди, более сведущие в морском деле, раскритиковали его, вследствие чего пошли слухи о его шпионаже в пользу русских. Тем не менее, как ни странно, авантюрист задумал еще один проект: «выдать цесаревну Анну, старшую дочь Петра, за Георга Гессенского, младшего брата шведского короля Фредрика. Петр в этом случае должен был бы передать принцу Георгу Курляндию (поскольку матерью Фредрика и Георга была принцесса Мария Анна Амалия из пресекшегося в мужской линии курляндского герцогского дома Кеттлеров), а также гарантировать наследственные права гессен-кассельского дома на шведскую корону. Соответственно, расстраивались бы планы выдать Анну за Карла Фридриха Голштейн-Готторпского, другого претендента на шведский трон» (с. 69). Реакция русского монарха была резко отрицательной.

После этого проекта следы Сент-Илера теряются, заключает И. Федюкин. Далее в книге приводятся архивные материалы на языке оригинала и в русском переводе, включая биографию барона де Сент-Илера «Дневник моих переговоров о сепаратном договоре между королевствами Франции и Испании и Португалией», 18 апреля 1711 г.» (1716) и др.

Ю.В. Дунаева

2020.04.006. ЗАБОТЫ И ДНИ СЕКУНД-МАЙОРА АЛЕКСЕЯ РЖЕВСКОГО. ЗАПИСНАЯ КНИЖКА (1755–1759) / Сост. и науч. ред. Федюкин И.И. – М.: Издательский дом ВШЭ, 2019. – 160 с. – (Новые источники по истории России. Rossica Inedita).

Ключевые слова: Российская империя, середина XVIII в.; русская мемуаристика; смена литературных эпох.

В книге публикуются документы из РГАДА, основу которых составляет записная книжка-дневник секунд-майора Ширванского

пехотного полка Алексея Ивановича Ржевского. Книжка содержит черновики писем, выписку из полевого устава, секунд-майор записывает там и домашние, хозяйственные бытовые дела, упоминает отдельных лиц, с которыми он контактировал, бытовые происшествия и т.п. Публикуются все материалы, которые удалось прочесть.

Публикацию документов предваряет ознакомительная статья И.И. Федюкина «“...В сей час начинаю писать историю моей жизни”: Записная книжка А.И. Ржевского на стыке жанров и эпох». Этот документ, считает автор статьи, – уникален, так как приходится на смену литературных эпох: «А.Г. Тартаковский в своей классической работе отнес качественный перелом в русской мемуарной литературе – “переход от летописно-аналитического способа изображения действительности к связно-целостному мемуарному рассказу и выдвижение на передний план личности автора с его индивидуальной биографией и духовно-нравственным миром” – к 1760–1770-м годам» (с. 12).

На этом фоне, продолжает И.И. Федюкин, дневник А.И. Ржевского, казалось бы, обычного дворянина, не отличавшегося никакими особыми талантами или способностями, все же пополняет наши знания о елизаветинской эпохе. Особо интересными их делают записи секунд-майора о своих эмоциональных переживаниях, любовных приключениях и о проблемах со здоровьем и способах лечения. Поэтому в книге публикуется еще и статья М. Пироговой о медицине того времени.

«Существенно, что дневник Ржевского представляет собой переходный, промежуточный этап между двумя выделявшимися Тартаковским типами текстов, «летописным» и «мемуарным». Мы видим, что Ржевский не просто ведет регулярные записи, но и здесь же, в дневнике, начинает их литературную обработку; он прямо рефлексировал по поводу происходящего вокруг него и с ним самим, и даже вступает в диалог со своим потенциальным читателем. Здесь же мы находим и ранние примеры описания и анализа собственных переживаний, откуда уже рукой подать и до «сентименталистских влияний», проявление которых в русской мемуаристике Тартаковский также относил к 1760–1770-м годам» (с. 13).

В этих записках, наглядно представляющих жизнь полкового офицера среднего звена, первое, на что обращает внимание Фе-

дюкин – это описание дороги и путешествий Ржевского. За два года, которые охватывает дневник, почти пять с половиной месяцев он провел в дороге: «он то едет к месту службы или в отпуск, то едет куда-то с командой инвалидов, то марширует со своим батальоном, то догоняет свой полк на стоянках...» (с. 14).

Ржевский принадлежал к столбовому дворянству, у него были обширные фамильные связи. «Ещё одна важная реалья служебной жизни автора, бросающаяся в глаза при прочтении дневника, – ключевое место, которое в ней занимают родственные связи. Ржевский постоянно обращается к всевозможным милостивцам и патронам по самым разным вопросам – повышение и назначение, получение и продление отпуска, попытка отвести от себя беду в лице Тайной канцелярии, и т.д.» (с. 15). При этом он действует иногда через несколько рук, добиваясь своего.

Ещё одна характерная черта – часто встречающиеся упоминания о своей бедности. В дневнике прекрасно отображено положение офицера, живущего только на казенное жалование.

Не менее важным представляется подробное описание таинственной болезни, возможно, чахотки, терзавшей его на протяжении этих лет. Здесь, пишет Федюкин, «бросается в глаза и неумеренное, иногда после каждой фразы, употребление восклицательных знаков, также отражающее стремление Ржевского подчеркнуть остроту своих переживаний, – еще один ранний предвестник нормативной чувственности и искренности, которая станет столь характерной для дворянской культуры несколько позднее» (с. 20).

Не менее интересны и колоритны описания его галантных походов, которые приводятся им в записной книжке, фиксируя как победы, так и поражения на любовном фронте. «Таким образом, текст Ржевского представляет собой крайне интересный пограничный, переходный случай между собственно дневником, хроникой жизни, и мемуарными произведениями, изначально рассчитанными на прочтение другими. Показательна здесь самая последняя запись, от 1 января 1759 г., где Ржевский... прямо заявляет о том, что начинает “писать историю моей жизни” – фраза, совершенно стандартная для мемуарной литературы, позволяющая предположить, что он мог ориентироваться и на какие-то литературные образцы» (с. 26).

Далее в книге представлена статья И. Федюкина и А. Феофанова «Род и служба А.И. Ржевского», в которой по возможности находятся и восстанавливаются фамильные и родственные связи этого разветвленного рода.

Завершает вступительную часть статья М. Пироговской «Дневник больного в середине XVIII в.: Взгляд из России». Автор отмечает, что в дневнике Ржевского приведены 104 записи, так или иначе связанные с болезнями, нездоровьем и лечением, что делает документ интересным даже для историков медицины. Также важно, что в дневнике представлен «взгляд снизу», т.е. взгляд самого больного. «Личные свидетельства больных – прежде невидимых для исследователей участников медицинского взаимодействия как социального ритуала – проливают свет на то, как усваивались те или иные медицинские теории, какими были воззрения людей на причины болезней и способы лечения, к кому обращались за советом, как профилактические и терапевтические рекомендации соотносились с практикой» (с. 53).

Ржевский подробнейшим образом фиксировал физиологические отправления, свое физическое и психическое состояние. Он пишет, как и к каким лекарям он обращался, какие ему выписали лекарства. Судя по ряду записей, некоторые он назначал сам себе. Вообще, отмечает М. Пироговская, эго-документам XVIII в. были свойственны такие подробные физиологические описания, что могут удивить современного читателя. «Очевидно, что здоровье и болезни были легитимным предметом для обсуждения в своем кругу, причем обсуждения гораздо более свободного и гораздо менее личного, менее связанного с представлением о медицинской тайне, чем это привычно нам» (с. 54). Эти темы не только присутствуют в дневниковых записях, в переписке обязательно следовало интересоваться самочувствием адресата и его родни.

«Из дневника мы видим, что, несмотря на свой хронический недуг, Ржевский не берет отпуск и не выходит из службы; что некоторые недомогания переносятся “на ногах” и не отменяют социальных обязательств. В других случаях болезнь считается достаточно тяжелой, чтобы “рапортоваться больным”, – но даже если Ржевский не выходит из дома, он редко остается в одиночестве, несмотря на отсутствие семьи и службу вдали от близких родственников. Помимо денщика, который готовит питье или едет за

лекарством, его навещают лекари, начальники и сослуживцы, их жены и дети, проститутки и т.д.» (с. 82).

Болезнь и лечение не мешали Ржевскому вести почти полноценную жизнь здорового человека: к нему приезжали с визитами, он посещал знакомых и родственников. Автор статьи подчеркивает публичность проявления болезни, в субъективный опыт переживания болезни вовлекались «родные, кумовья, знакомые и патроны» (с. 83).

Далее следует сам дневник Ржевского, письма и неотсортированные заметки разного характера.

Ю.В. Дунаева

2020.04.007. КОРШУНОВА Н.В. КРАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I, ИЛИ КАК НЕЛЬЗЯ УПРАВЛЯТЬ СТРАНОЙ. – М.: Центрполиграф, 2018. – 223 с. – (Новейшие исследования по истории России).

Ключевые слова: Российская империя; император Павел I; личность Павла I; политическая доктрина Павла I.

Книга д-ра ист. наук Н.В. Коршуновой состоит из введения, девяти глав, заключения.

В истории Российской империи нет императора, пишет Н.В. Коршунова, оценки которого были бы столь полярными: «от идеализации до признания Павла I сумасшедшим, а всех его мероприятий – сплошным абсурдом. Конечно, Павел Петрович не был душевнобольным. Иначе этим непременно бы воспользовалась Екатерина II, чтобы лишить сына трона» (с. 7). Много, сходявшее с рук другим монархам, Павлу ставилось в вину. Цареубийство сделало личность Павла спорной, загадочной, почти мифической фигурой. И убит то он был не на первом году царствования, не террористами, или революционерами, а заговорщиками, среди которых были и его сыновья.

Коршунова отмечает, что несчастная судьба Павла отразилась и на историографии его правления. Сначала, сразу после смерти императора о нем вышло несколько апологетических трудов. В период царствования Александра II в некоторых журналах было опубликовано несколько исторических источников, архивных материалов. Одним из первых общую оценку тому периоду и